

Давлетова Марианна

Уфимские
девчонки

16+

Марианна Давлетова
Уфимские девчонки

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Давлетова М. М.

Уфимские девчонки / М. М. Давлетова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Повесть о жизни простых девчонок, детство которых проходило в 90-е годы. Они мечтали о счастье, о беззаботном будущем. Смогут ли они противостоять своему психологически неблагополучному детству? Узнаем в книге "Уфимские девчонки".

© Давлетова М. М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Марианна Давлетова

Уфимские девчонки

Лиля

Ресторан «Мираж» пафосный и неуютный. Поначалу, когда только попадаешь внутрь, он кажется величественным. Но приглядевшись, понимаешь – медные статуи рыцарей, соседствующие с золотистыми львами и героями русских сказок – нелепое сочетание. По всей видимости, хозяин ресторана решил воплотить свои фантазии в жизнь. Однако подвел вкус и чувство меры.

В меню разнообразные блюда, а на деле нет ни обещанных устриц с лимонным соком, ни долмы, ни...

Сажу с компанией. Рассматриваю женщину за соседним столом. Она похожа на мою подругу из детства. Она ли? Подхожу:

– Лилька! Это ты?

Женщина вздрагивает и смотрит мне в глаза. Отстраняется.

– Привет. Ну, ничего себе... – отвечает она.

Улыбка ее неискренняя, а я хорошо чувствую такие вещи.

Оказывается, они с мужем отдыхают тут, отмечают годовщину свадьбы. Но все это уже не имеет никакого значения.

Лиля моя соседка по подъезду. В восемьдесят седьмом мы переехали в дом номер один по улице Авроры. Эта серая девятиэтажка оправдывала свой номер – была единственной высокой постройкой в радиусе полутора километров.

До четырех лет я росла в общежитии. Пятнадцатиметровая комнатуха с решетками на окнах, один туалет на весь этаж. Запах сваренных щей смешивается с благоуханием поджаренных котлет, аромат убежавшего молока соединяется с вонью протухшей селедки...

Тут нечисто, неопрятно, как и во всех общагах. Тяжело создать уют, когда у тебя куча вещей и книг, а в комнате нет ни шкафа, ни полка. Все добро разложено по коробкам и громоздится на полу, покрываясь пылью.

Но как же здесь весело в общем коридоре! Ребяшня катаются наперегонки на велосипедах. Взрослые спокойно переступают через нас, когда мы своей бандой усаживаемся на корточки, замышляя очередную игру.

В восемьдесят шестом папа, мама и я приехали в первый раз посмотреть нашу будущую квартиру. В подъезде запах извести. Я цокаю сапожками по лестнице, пытаюсь понять – а где же люди-соседи?

Тут, на подоконнике своей комнаты я оставляю красного пластмассового медведя: «Пусть охраняет квартиру, я скоро вернусь...»

Я несколько раз оборачиваюсь на него, когда мы удаляемся от дома. Мама и папа о чем-то разговаривают, и я чувствую, что они рады переменам. Радуюсь ли я? Мне все равно – хорошо им, хорошо и мне.

Мои игрушки при переезде погрузили в коробку из-под телевизора. Ее поставили в моей комнате. Я перехожу из спальни в зал и обратно, потом обращаюсь к маме: «А где все мои друзья из общежития? Они скоро сюда переедут? Я хочу к ним».

Мама объясняет, что теперь мы живем тут втроем, что общежитие далеко, и что надо как-то к этому привыкнуть. Вот так я впервые осталась без друзей и подруг и почувствовала себя одинокой.

Внизу нашу девятиэтажку окружают частные дома. Никакой асфальтированной дороги и фонарей.

Весной, мы пробираемся к жилищу чуть ли не на ощупь. Родители ворчат. А мне нравится заглядывать в окна с резными ставнями, мимо которых мы проходим. Там люди сушатся, заправляют постели, ставят чайник, складывают вещи в шкаф. В нашей же девятиэтажке ничего подобного нет – все одинаковое, каждый заходящий в подъезд человек нажимает кнопку лифта. Он выходит на нужном этаже, закрывает дверь, и не угадаешь, что за этой дверью происходит.

Родители отдали меня в гимназию, которая располагалась в центре города. Это сейчас мы садимся в маршрутку и доезжаем до того самого центра за пятнадцать минут. Вначале 90-х, с остановки, на которую мы спешили по утрам, ходил автобус – желтая пылящая гармошка.

Он подъезжает, и оголтелая толпа врывается в салон, топчась всех кругом, занимая места.

Уже в первом классе я стала активным борцом за место в автобусе. А как по-другому выспаться? Ночью я спала плохо, потому что боялась темноты, а тут целый час дремы... Протискиваюсь, расталкивая всех локтями, занимаю первое место – оно самое удобное. Там есть подставка для ног. Теперь можно развалиться и спать. Пассажиры шумят, ругаются, едкий запах сгоревшего бензина проникает в одежду, а ты спишь, и нет лучшей радости.

Я завидовала детям, которые ходили в школу неподалеку от нашего дома. Наблюдая за ними из окна, я видела, что они шли веселой толпой, толкали друг друга в снег.

Мне было тяжело в школе – ни подруг, ни компании. Я приезжала домой и остаток дня сидела перед учебниками. Но и учеба давалась мне с трудом. Каждые две недели я сваливалась с температурой и оставалась дома. Просто мне не хотелось туда идти.

Родители не разрешали мне гулять одной. Настало время, когда по телевизору то и дело рассказывали про маньяков, убийц, грабителей. Так дом на отшибе стал моей тюрьмой...

Как-то мама зашла к соседям – за мукой. Ее долго не было. Вернулась она, держа за руку серьезную девчонку с косичками-бубликами в пятнистом коротеньком платье. Я вспомнила, что не раз видела ее из окна в шумной компании школьников.

Девчонка протягивает мне коробку с вкладышами от жвачек:

– Давай меняться. Меня Лилия зовут, – произносит она смущенно.

Все мы тогда собирали эти фантики – «Бублигум», «Лав из».

Я молча достаю свою коллекцию, раскладываю на полу разноцветные картинки, и мы высматриваем одинаковые изображения. С этого и началась наша дружба.

Я часто оставалась ночевать у Лильки. Ее родители уезжали на дачу и оставляли ее одну.

Лилька боялась темноты.

Мы лежим рядом и рассказываем друг другу страшные истории: «в черной, черной комнате...», «в дом приходит Пиковая дама...». А потом я восклицаю: «Что там в зеркале? Уж не приведение ли?», мы орем и прячемся под одеяло.

Теперь мне уже не одиноко – я захожу к Лильке после школы каждый день, мы включаем на всю громкость магнитофон, и вопим, что есть мочи песни Курта Кобейна. В какой-то момент на пороге появляется крупная фигура женщины с гневным выражением лица, нахмуренными бровями – Лилина мама, тетя Расима. Она кричит что-то по-татарски. Лилька вздрагивает, выбегает в коридор, хватается мамины сумки, тащит их на кухню. Я остаюсь в комнате, и, поймав удачный момент, сбегая домой. Единственное слово, которое я узнала от тети Расимы по-татарски «яцыз» (бесстыжая).

По утрам, уже в родительской квартире, мы просыпаемся от воинственного клича все той же Лилькиной мамы. К ней присоединяется ее муж – папа Лильки дядя Эдик. С виду он интеллигентный инженер, чем-то напоминающий доктора Айболита – с седой бородой, в очках. Дядя Эдик гоняет из комнаты в комнату жену и дочь. Хлопают двери.

Мама повторяет: «Кошмар! Что у них там происходит?»

Но вскоре мы привыкаем к их утренним концертам...

Странно, но Лилька совсем не похожа на родителей. Даже внешне, у нее светлые волосы и зеленоватые глаза и вовсе не такой характер, как у тети Расимы.

У Лильки случаются жуткие истерики.

Я захожу к ней, и она тащит меня в ванну. Она стоит перед зеркалом, а в руке у нее ножницы.

– Вот вам, вот вам, – орет она и с остервенением срезает пряди волос...

– Ты что делаешь? Ненормальная!

Я пытаюсь выхватить ножницы... А потом мы сидим на полу ванной перед копной из волос.

– Что ты наделала, дура? – мне обидно до слез, я же знаю как берегла и как ухаживала за волосами Лилька.

– Мама мне не дает денег на парикмахера! – всхлипывает она. – Пусть тогда я буду вот такой... Лысой и никому не нужной.

Обнимаю ее. Она слишком часто плачет, а еще хватается за нож, режет кожу. Наверное, чтобы ощутить себя живой. И это от того страшно.

Но я вижу ее и другой. Она следит за собой, покупает на скопленные деньги косметику и крема.

– Вот так длинна, – говорю я с придыханием, глядя на то, как Лиля вытягивает кисточкой ресницы, крася их тушью. Теперь они долетают до бровей, ее зеленые глаза распахиваются и становятся еще больше.

Лилька не верит, отнекивается: «Я уродина, ничего красивого во мне нет, ты посмотри на нее – кивает она головой на постер с фотографией Синди Кроуфорд».

В такие моменты мне кажется, что это я уродина... Если сама Лилька так строга к себе, то что говорить обо мне? Сутулая, маленького роста.

* * *

В подъезде проказничали хулиганы. Мальчишки – то поджигали почтовые ящики, то писали на стенах матерные слова. Как-то на нашем этаже жильцы учуяли жуткий запах.

Мать несколько раз подходила к двери тети Расимы, стучалась, никто не открывал. Видимо уехали куда-то. Вечером мы услышали шум в подъезде. Мать открыла дверь. Пьяная тетя Расима напевала татарскую песню, пытаясь попасть ключом в замочную скважину.

Я смотрела на них в глазок. Грузная тетя Расима справилась с замком, распахнула дверь, скинула на пол шубу и стала стягивать сапоги.

Мать зашла к ней.

– Ты чего?

– Ничего, бывает же, Тань, ну бывает.

– Бывает, – протянула мать.

– Давай сапог, помогу.

Мать схватила подошву и стала тянуть.

Сапог слетел. И они засмеялись.

– Это от твоей двери воняет, – сказала мать, – вонь жуткая целый день.

Они осмотрели дверь, и никак не могли понять, что же произошло.

– Воняет, точно, – отозвалась тетя Расима и подняла указательный палец.

Позже выяснилось, что это набедокурили хулиганы с нижнего этажа. Иголкой от шприца проделали в обивке маленькую дырочку и впрыснули туда яйцо. Несколько раз их родители приходили к тете Расиме во время их утренних семейных склок, они просили вести себя потише, но их просьбы остались не услышанными.

Мать зашла домой. И сказала:

– Сняла с Расимы сапог, а у нее на колготках дырка... Смешно прямо, дорогие сапоги и старые колготки, купить что ли не может...

– Так их же не видно, – пожалала я плечами.

Соседи не знали, что делать с дверью, пытались ее заклеить, облепить скотчем, но запах не уходил. Тогда дядя Эдик выдрал часть обивки и ниткой зашил кожу. Так на красной кожаной двери появился черный шрам, еще долго напоминающий нам о времени девяностых. Клей вообще прекрасная штука, при помощи которой можно соединить все что угодно, только не нас с родителями.

На шестнадцатилетие Лилька пригласила подруг. Она старше меня на два года, я тоже жду шестнадцатилетия. Подруги купили бутылку водки и рябину на коньяке. Я выбрала рябину, они пили водку, побоялась напиваться, потому что за стенкой – родители. Да и вообще я пай-девочка. Но это, естественно, маска.

Рябина – полная дрянь. Пелена на глазах. Хочется немедленно выйти из состояния быстрого затмения мозгов. Сижу, и лица расплываются в тумане. Но сижу.

Остальные нахрюкались, как свиньи. Через час я уже слышу: «буэээ» из туалета.

«Бедная Лилька и что сейчас будет, когда ее мама вернется?» – переживаю я.

Но к моему удивлению через час, изрядно проблевавшись, все выползли на свет, вновь приобретаю человеческий облик. И тетя Расима ничего не заметила.

Люблю Лильку за хозяйственность – она лет с семи умеет готовить.

Меня никто не учил вести хозяйство, и я неумеха.

На полках в их кухне красуются банки со специями, бутылки с соусами... На подобных кухнях, кажется, происходит нечто магическое – женщины готовят приворотные зелья или колдуют над лечебными отварами. Это царство, в котором Лилька шаманка... Она по очереди подносит к носу коробки со специями и всякий раз безошибочно определяет, что положить в суп, в рагу, в плов...

Мы с Лилькой вытаскиваем из шкафчика муку, нарезаем деревенское мясо на мелкие кусочки, тоже самое делаем с картошкой.

Она замешивает тесто...

– Сегодня снова готовим балиш, – говорит Лилька важно.

Мы будто на съемках кулинарной программы. Не хватает только колпака и фартука.

Я крошу лук неумело. Жмурю глаза. Нож постоянно соскальзывает с луковицы. Лильке больно на это смотреть. Она кривит лицо.

– Запомни, обязательно надо добавлять в говядину гусятину, хоть немного! – говорит она строго.

– Кладем наше одеяльце, – продолжает Лилька, аккуратно выстилая тонким слоем теста чугунную сковородку, – теперь мясо с картошкой, и накрываем другим одеяльцем.

Она вертит головой то вправо, то влево, проверяя, все ли сделано как надо.

Одеяльцы отправляются в духовку. Мы следим за балишом через окошечко в духовой дверце.

Плиту эту купила Лилькина мама на свою премию, и очень ей гордится – газ включается кнопкой, а в духовке горит фонарик, освещающий приготавливаемое блюдо.

– Хочу быть поварихой... – мечтает Лилька. – Я всю жизнь могу провести на кухне! Когда что-нибудь пеку, то прям кайфую... Мне нравится, что даже мама улыбается, когда у меня получается что-то вкусненькое.

Я интересуюсь:

– А почему твоя мама редко улыбается?

– Она ворчит, что у папы маленькая зарплата. Ей приходится горбатиться за двоих... – грустно отвечала она, – наверное, поэтому.

– У нас то же самое... – пожимаю я плечами, – но мама улыбается.

– Все люди разные, – отворачивается Лилька. Ей неприятен наш разговор.

Мы жили скромно, на учительскую зарплату, а Лилькина мать работала заведующей магазином.

А мне на завтрак готовили картошку, потому что больше в доме ничего не было. Иногда, если повезет, я ела макароны.

Из мяса мы варили суп. Его хватало на два, три дня.

Однажды мать, придя с работы, поставила на стол четыре железные банки. Папа взял одну и повертел в руках. Банки были без названия.

– Что это? – спросил он.

Мать хитро посмотрела на него сияющими глазами и заговорщически произнесла:

– Тушенка...

Отец тут же полез в стол за открывалкой. Мама запорхала по кухне:

– Надо картошечку отварить, помнишь, Марат, как в студенческие времена у нас на даче...

Она уже начала рассказывать историю из их молодости, как вдруг услышала возглас отца:

– Вот гады... Ты где это купила вообще?

– Нет, ты посмотри, посмотри, а... – он протянул нам банку, и мы заглянули внутрь.

Там была болотного цвета трава.

– Ну-ка вторую открывай, – закричала мать.

Во второй то же самое... Как и во всех остальных.

Морскую капусту подсунули матери на Центральном рынке цыганки.

– Подошли и говорят: «Тушенку надо?» А у меня сегодня расчет был, ну я и взяла. Сво- лочи, как же так можно! – плакала она.

Отец пнул коробку с картошкой:

– Поехали туда, может они там еще.

Вернулись они через час ни с чем.

Одну банки капусты мы съели с картошкой.

– А что делать с тремя другими? – задумалась мать, – пойду Расиме предложу, не выбра- сывать же. Вон они шумят в коридоре, схожу, посмотрю, что они там делают.

Мама открыла дверь. Дядя Эдик и широкоплечий высокий мужик втаскивали в квартиру Лильки персидский ковер.

– Эдик, Расима дома? Вам капуста морская нужна?

Красный дядя Эдик указал ей на кухню:

– Иди ей предложи.

Тетя Расима обрадовалась капусте, но взяла одну банку. Остальные отец выбросил в мусорку. Видимо со злости.

* * *

Тетя Расима при своей невероятной скупости имела пристрастие обставлять дом дорогой мебелью и посудой. Казалось, стоит только приоткрыть дверцу серванта, как на тебя оттуда посыплются фарфоровые чашки, тарелки, хрустальные рюмки.

В их жилище царил чистота, подушки они накрывали ажурной сеточкой, а на кроватях лежали шелковые покрывала. Белоснежная кровать, на которой мы с Лилькой часто прыгали, представляя себя певицами, пахла деревом и лаком.

О том, что мы прыгали на кровати, тетя Расима не знала, потому что не простила бы нас за эту шалость.

Ответственность за чистоту дома всегда лежала на Лильке. Она, словно балерина, танце- вала, летя из одного конца в другой, и протирала трюмо, полки, стол, сервант. На подоконни- ках их окон стояла красная герань.

– Этот запах, – говорила Лилька, – лечит бессонницу и нервные срывы.

«Хорошо было бы все комнаты в их квартире заполнить горшками с геранью», – думала я. Мне «везло» на несчастные любви. В 9 классе мне понравился один несимпатичный парень – весь прыщавый и глупый. Почему понравился? Может потому что я совсем не разбиралась в мальчишках... И вот я пришла к Лильке за советом.

– Когда мы влюблены, мы не видим прыщей и тупости, – сказала она глубокомысленно, повертев в руке его фотку.

Я игриво спросила: «Он самый лучший?».

Лилька расхохоталась: «В мире крокодил»...

Конечно, я не обиделась, мы посмеялись и начали готовить котлеты.

Лиле нравился Паша. Блондин с голубыми глазами. Он дружил с ее двоюродным братом, который часто заходил к ним в гости. Лилька тогда прибегала ко мне через день, чтобы погадать. Какой я была гадалкой, нетрудно себе представить, но мы верили, что по картам можно узнать будущее.

Иногда Лилька плакала, говорила: «Ну, я так и знала, опять разбитое сердце вышло»... Разбитое сердце выходило через день, но она почему-то иногда этого не замечала. В эти моменты я боялась за нее, вспоминая, с каким остервенением однажды она отрезала себе волосы...

– Мама говорит, что Паша мне не подходит, – говорит Лилька. – Он русский, а мне нужен татарин... И вообще, чего за внешностью гнаться? Ну, блондин, ну, красавчик. А я-то...

– Опять: «а я-то...»

– Ты знаешь, я на него смотрю через бинокль, – шепотом говорит она.

– Больная... Это как? Следишь, что ли? – удивляюсь я.

– Ага, иди-ка сюда, – зовет Лилька.

Мы открываем шторы, и она наводит бинокль на окно напротив.

– Маньячка, – смеюсь я.

– Он редко к окну подходит. В институт же поступил. Учится все, наверное...

Глаза Лильки горят, будто бы ей только что подарили подарок...

Однажды я видела как Дед Мороз (мой папа) подарил ей подарок. Лилька тогда училась в пятом классе, и всерьез подумала, что мой отец – Дед Мороз. Я-то сразу вычислила его по носкам.

Ну, допустим, Дед Мороз надел папины тапочки, но его черно-белые носки с красными точками, он никак надеть не мог, ведь мама уверяла, что такие носки есть только у него, и она их купила в Москве во время командировки.

Лилька все равно поверила – Дед Мороз существует... Странно было ожидать этого от такой взрослой девчонки... Я была ошеломлена такой чистой верой в Деда Мороза. Родители хихикали на кухне и шушукались: «Поверили вроде»...

Я решила никогда не рассказывать Лильке про то, что Дед Мороз – мой папа.

Однако в тот же вечер, в день, когда Лилька поверила в чудо, тетя Расима уже будучи в подпитии раскрыла правду:

– А моя-то идиотка решила, что ты Марат – Дед Мороз.

Мы были у них в гостях и мне так хотелось, чтобы она заткнулась. Мой отец глупо улыбался. Тетя Расима, дядя Эдик и мой отец пили водку. И больше не говорили о Лильке. Мы пошли в ее комнату. Она открыла окно и швырнула туда подарок – это была картонная коробка со сладостями...

– Что ты сделала? Зачем? – спросила я.

– А зачем идиотке подарок? – ответила она грубо. Мы молча сидели в тишине. Потом она выключила свет и сказала: «Я ложусь спать, иди домой...» Почему взрослые иногда не задумываются о том, что разрушают нас своими словами?

Как-то раз Лилька громко постучалась и с порога бросилась на шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.